

СЦЕНА

ИЗЪ ТРАГЕДІИ БАЙРОНА

МАРИНО ФАЛЬБЕРО.

(СЦЕНА 2 I-ГО АКТА.) — ВЪ КОМНАТѢ ДОЖА.

ЛИЦА:

МАРИНО ФАЛЬБЕРО, венеціанскій Дождь.
БЕРТУЧЧИО ФАЛЬБЕРО, племянникъ Дождя.
ВЕНЕЦИАНЦЪ, офицеръ при дворѣ Дождя.
СЕКРЕТАРЬ СОВѢТА Сорока.

Б. ФАЛЬБЕРО.

Не можетъ быть, чтобъ съ вами поступили
Они несправедливо.

Дождь.

Отъ чего жь?

Вѣдь жалобу мою Avogadori
Могли жь отдать Совѣту Сорока,
Чтобъ онъ судимъ былъ равными, чтобъ самъ
Судилъ себя *.

Б. ФАЛЬБЕРО.

И равные едва ли

Покрѣтъ его посмѣютъ; ихъ поступокъ
Равнялся бы—презрѣнію ко всѣмъ
Уставленнымъ властямъ.

Дождь.

Иль ты не знаешь

Венецію? не знаешь этихъ Сорокъ?
А впрочемъ мы увидимъ.

Бертуччио былъ членомъ Совѣта Сорока.

Б. ФАЛЬЕРО (кз Винченцо, который
входитъ.)

Что такое?

Высказывай.

Винченцо.

Я присланъ доложить

Ихъ свѣтлости, что судъ свое рѣшенье
Постановилъ, и что—какъ только будетъ
Исполненъ весь положенный обрядъ,
То приговоръ представленъ будетъ Дожу;
А въ ожиданьи—Сорокъ шлютъ привѣтъ
Начальнику республики и просятъ
Принять отъ нихъ почтенье.

Дождь.

Да, они

Особенно—почтительны и вѣчно
Съ покорностью. Рѣшенье состоялось,
Ты говоришь?

Винченцо.

Такъ точно, ваша свѣтлость:

Въ то время президентъ къ нему печать
Прикладывалъ, какъ я въ Совѣтъ былъ позванъ,
Чтобъ въ тотъ же мигъ законнымъ извѣщеньемъ
Почтить главу республики, а вмѣстѣ
И челобитчика въ одномъ лицѣ.

Б. Фальеро.

А нѣтъ у васъ о сущности рѣшенья
Какой-нибудь догадки?

Винченцо.

Нѣтъ, Синьоръ,

Вы знаете таинственность обрядовъ—
Въ судахъ венеціанскихъ.

Б. Фальеро.

Правда; только

И тутъ еще есть кое-что, на чемъ
Пытливый взглядъ и острый наблюдатель
Способны основаться: это шопоть,
Движенье губъ, и больше или меньше
Суровый видъ судилища: вѣдь Сорокъ
Не болѣе, какъ люди; люди очень

Достойные и мудрые,—согласенъ,—
 Притомъ и осторожные,—то правда,—
 И скрытные не меньше, чѣмъ могила,
 Въ которую преступника кладеть
 Ихъ приговоръ; все такъ,—но и за этимъ
 На ихъ лицѣ, ну на лицѣ хоть тѣхъ,
 Которые моложе между ними,
 Пытливый взглядъ, Винченцо, взглядъ—какъ твой,
 Прочелъ бы приговоръ, пока онъ не былъ
 Произнесенъ.

Винченцо.

Синьоръ, я тотчасъ вышелъ;
 Что было межъ судьями—я не могъ
 И даже по наружности замѣтить.
 Притомъ я былъ вблизи Микеля-Стено,
 А потому —

Дождь *(прерывая его.)*

А этотъ какъ глядять?

Винченцо.

Онъ тихъ, но не убить, и приговора
 Онъ ждетъ себѣ съ покорностью,—каковъ
 Онъ ни былъ бы; но чу!—его несутъ
 На ваше разсмотрѣнье, ваша свѣтлость.

(Входитъ секретарь Совѣта Сорока.)

СЕКРЕТАРЬ.

Властительные Сорокъ свой привѣтъ
 И здравіе шлютъ Дождю Фалиеро,
 Правителю Венеціи, прося
 Ихъ свѣтлость прочитать и утвердить
 Рѣшеніе на счетъ Микеля-Стено,
 Рожденьемъ дворянина и суду
 Подпавшаго по дѣлу, о которомъ,
 Какъ и о томъ, къ чему онъ присужденъ,
 Изложено и значитъ въ приказѣ,
 Который я и представляю.

Дождь.

Выдѣте

И ждите тамъ.

(Секретарь и Винченцо уходятъ; Дождь пристально смотритъ въ бумагу, потомъ къ Б. Фальеро.)

На—ты возьми бумагу;
 Съ нея, какъ дымъ, сбѣгають буквы; я
 Не въ силахъ разбирать.

Б. ФАЛЬЕРО (*принимая бумагу*).

Повремените,
 Безцѣнный дядюшка: зачѣмъ вы весь
 Дрожите такъ?—Ручаюсь вамъ, все будетъ
 По вашему.

Дождь.

Читай.

Б. ФАЛЬЕРО (*читаетъ*).

«Опредѣлили

• Въ Совѣтѣ Сорока, —единогласно, —
 « Дабы Микеля-Стено, —такъ какъ онъ
 « Признался самолично, что въ ночи
 « Последней карнавала, онъ, украдкой,
 « На дожескомъ престолѣ написалъ
 « Сии слова *...—

Дождь.

Ты *повторить* ихъ хочешь?

Ты хочешь повторить ихъ, ты, Фальеро?
 Продлить позоръ, который такъ глубоко
 Покрылъ нашъ домъ въ главѣ его, главѣ,
 Который есть съ тѣмъ вмѣстѣ повелитель
 Венеціи, царицы городовъ?—
 Ну, —приговоръ.

Б. ФАЛЬЕРО.

Простите, государь;

Я опущу. (*Читаетъ:*)

« Дабы Микеля Стено

На мѣсяцъ въ заключенье посадить.»

Дождь.

Ну, —продолжай.

Б. ФАЛЬЕРО.

Я кончилъ, государь.

Дождь.

Какъ, кончилъ?—кончилъ!—ложь!—иль это сонъ?

* Оскорбительныя для чести догарессы. Ея молодость и прелесть
 ныя лѣта ея мужа—были темою пасквиля.

Подай сюда приказъ. (*Вырываетъ бумагу и читаетъ:*)

«Единоголасно

«Повелѣно, дабы Микеля Стено».....

Племянникъ! руку.

Б. ФАЛЬБЕРО.

Будьте равнодушнѣй;

Ободритесь; я васъ не понимаю.

Позвольте мнѣ позвать кого на помощь.

Дождь.

Остановись, ужъ все прошло, не нужно.

Б. ФАЛЬБЕРО.

Я съ вами соглашаюсь, приговоръ

Въ сравненіи съ обидой слишкомъ легкокъ.

Для Сорока едва ли это честно—

Столь легкое взысканье положить

Съ того, кто васъ смѣлъ оскорбить такъ подло,

И васъ, и ихъ самихъ, за тѣмъ что вы

Ихъ государь; но въ этомъ я не вижу

Большаго зла: вамъ можно обратиться

Еще разъ съ апелляціей—иль къ нимъ,

Или къ Avogadogi; хоть и эти ..

Одинъ ужъ разъ отъ дѣла уклонились.

Но такъ какъ въ немъ нарушена такъ явно

Прямая справедливость, то они

Опять его разсмотрятъ, и, конечно,

Достойно покараютъ наглеца

За вашу честь.—Что, дядюшка, на это

Вы скажете?—Но что вы такъ стоите,

Какъ вкопанный?—Послушайте;—что съ вами?

Дождь.

О еслибъ вдругъ явились Сарацины

На площади Святаго Марка! вотъ какъ

Я поклонился бъ имъ.

(*Сбрасываетъ съ себя дождескую шапку
и хочетъ затоптать ее, племянникъ его
удерживаетъ.*)

Б. ФАЛЬБЕРО.

Во имя неба

И всѣхъ его угодниковъ —

Дождь.

Отстань!

О, еслибъ Генуэзцы вдругъ явились
На нашихъ пристаняхъ! О еслибъ Гунны,
Которыхъ я разбилъ при Царѣ, вдругъ
Вокругъ дворца построились рядами!

Б. ФАЛЬЕРО.

Прилично-ль вамъ, венеціанскій дождь,
Такъ говорить?

Дождь.

Венеціанскій дождь!

Кто дождь теперь въ Венеціи?—дай мнѣ
Взглянуть хоть на него, чтобъ онъ помогъ
Достичь мнѣ правосудья.

Б. ФАЛЬЕРО.

Коль свое

Достоинство, свой долгъ забыли вы,
Какъ государь, то вспомните о нихъ,
Какъ человекъ; смирите эту страсть.
Венеціанскій дождь...

Дождь (*прерывая его*).

Да гдѣ же онъ?

Вѣдь это лишь названье, даже хуже,
Лишь прозвище постыдное: когда
Отверженный, жалчайшій, безпріютный,
Отребье—горемыка, что свой хлѣбъ
Подъ окнами собираетъ, съ злымъ отказомъ
Уйдетъ отъ одного, то подъ другимъ,
Гдѣ добрая душа живетъ,—находитъ
Опять свой хлѣбъ; но тотъ, кто получилъ
Отказъ въ правахъ—отъ лицъ, которыхъ должность—
Блюсти за правосудьемъ, тотъ несчастнѣй
Отверженнаго нищаго, тотъ рабъ—
Точь-въ-точь что я, что ты, что весь нашъ домъ
Сталъ съ этого часа; батракъ послѣдній
Въ насъ тыкать будетъ пальцемъ, а надменный
Патрицій можетъ харкнуть.—Гдѣ защита
Теперь для насъ?

Б. ФАЛЬЕРО.

Въ законѣ, государь.

Дождь (*прерывая его.*)

Ты видишь, что онъ сдѣлалъ; я другой
 Защиты не искалъ, кромѣ закона;
 Не думалъ мстить, какъ только чрезъ законъ;
 Просилъ судей, поставленныхъ закономъ:
 Я,—государь,—и требовалъ суда
 У подданныхъ, у подданныхъ, что сами
 Меня своимъ избрали государемъ
 И дали мнѣ двойное право быть имъ.
 Да только ли? права избранья, мѣста,
 Рожденія, права заслугъ, лѣта,
 Отличія—и эти шрамы, эти
 Сѣдые волосы, труды, походы,
 Опасности, лишенья, потъ и кровь
 Восьмидесяти лѣтъ почти—сравнили
 Съ столь грубою обидой, столь позорнымъ
 Безчестіемъ, столь гнуснымъ преступленьемъ
 Патриція—нахала и нашла,
 Что онъ правѣй!—И это перенести,
 По твоему, возможно?

Б. ФАЛЬЕРО.

Я не это

Хочу сказать: пусть только вашу просьбу
 Отвергнуть вновь; мы и тогда еще
 Успѣемъ сдѣлать все.

Дождь.

Опять просить!

Да точноль ты сынъ брата моего?
 Вѣтъ дома Фалиеро? точноль ты
 Племянникъ дожа, кровь отъ этой крови,
 Которая Венеціи дала
 Трехъ владыкъ?—Но ты, пожалуй, правъ;
 Намъ присмирѣть теперь необходимо.

Б. ФАЛЬЕРО.

Властительный мой дядюшка! вы слишкомъ
 Вздволнованы. Положимъ, что обида
 Была груба; еще грубѣй того—

Оставлена безъ должнаго взысканья;
 Но этотъ гнѣвъ—какую вамъ угодно
 Обиду превышаетъ: если мы
 Оскорблены, то прежде правосудья
 Потребуемъ; откажутъ,—мы ужъ сами
 Возьмемъ его; но это все спокойно
 Мы сдѣлаемъ.—Прямая мечь—дита
 Глубокаго молчанья; я въ три раза
 Моложе васъ, навѣрное; я самъ
 Люблю нашъ домъ; я уважаю васъ,
 Его главу, дней молодыхъ моихъ
 Хранителя и друга; но и тутъ,—
 Хоть я и самъ скорблю и негодую
 Подобно вамъ,—миѣ тяжело смотрѣть
 На этотъ гнѣвъ, во всемъ подобный нашимъ
 Волнамъ адриатическимъ, что бьютъ
 Изъ береговъ и исчезаютъ съ пѣной.

Дождь.

Я говорю... тебѣ-ль я говорить
 Обязанъ то, что твой отецъ бы понималъ
 Безъ всякихъ словъ?—Иль ты имѣешь чувства
 Лишь для того, чтобъ ощущать одни
 Тѣлесные удары? Иль въ тебѣ
 Нѣтъ ни души, ни гордости, ни страсти,
 Ни даже чувства чести?

Б. ФАЛЬЕРО.

Эта честь
 Подверглась подозрѣнью въ первый разъ;
 Онъ былъ бы и послѣднимъ, будь другой
 На вашемъ мѣстѣ скептикъ.

Дождь.

Ты вѣдь знаешь,
 Какъ оскорбилъ насъ этотъ негодяй,
 Котораго простили, эта сволочь,
 Нахаль, бездѣльникъ, гадина, который,
 Языкъ змѣи вложивши въ злую пасквиль,
 Далъ поводъ клеветѣ ходить,—мой Богъ!
 Про честь моей жены; про честь ближайшей,
 Дражайшей нашей части, какъ весь міръ
 Считають привыкъ; мерзавецъ сдѣлалъ сплетню

Добычею поленьщиковъ лѣнивыхъ,
Ихъ грубыхъ разглагольствій, пѣдлыхъ жестовъ,
Извѣстныхъ прибаутокъ, между тѣмъ,—
Какъ шутники изысканнаго тона,
Патрициі передають тайкомъ
Другъ другу эту сказку, ухмыляясь
Надъ вымысломъ, меня сравнявшимъ съ ними,
Покорными шутами, что своимъ
Безчестьемъ такъ довольны и, быть можетъ,
Гордятся имъ.

Б. ФАЛЬЕРО.

Но это вѣдь не больше,
Какъ клевета; вы въ томъ убѣждены,
И въ этомъ все убѣждены.

Дождь.

Племянникъ,

Высокомѣрный римлянинъ сказалъ:
«Супруги Цезаря и подозрѣнье
Касаться не должно», и онъ затѣмъ
Ее прогналъ.

Б. ФАЛЬЕРО.

Прогналъ,—но въ наше время—

Дождь.

Что римлянинъ сносить считалъ позорнымъ—
Уже-ль бы могъ, по твоему, снести
Венеціанскій дождь?—Старикъ Дандоло
Отъ цезарской короны отказался,
А между тѣмъ носилъ вотъ эту шапку,
Что я топчу, затѣмъ—что и она
Унижена теперь.

Б. ФАЛЬЕРО.

Да, въ самомъ дѣлѣ

Унижена.

Дождь.

Да, да: я не прогналъ

Невинное созданье, столь постыдно,
Столь подло обнесенное за то,
Что старика, который былъ патрономъ
Ея семьи, ея отцу былъ другомъ,
Она взяла въ мужа себѣ.... какъ будто

Грудь женщины способенъ волновать
 Одинъ развратъ при видѣ безбородыхъ,
 Смазливыхъ лицъ!—Я не прогналъ ее
 За клевету бездѣльника; напротивъ,
 Я требовалъ суда моей отчизны
 Лишь для него, суда, который долженъ
 Быть всякому защитой,—еслибъ кто
 Имѣлъ жену, которой непорочность
 Ему мила, иль хижину, которой
 Очагъ ему пріятенъ, или имя,
 Котораго онъ честью дорожить,—
 И еслибы все это запятнало
 Проклятое дыханье клеветы.

Б. ФАЛЬЕРО.

Какого же вы ждали наказанья :
 Его поступку?

Дождь.

Смерти! Развѣ я,
 Бывъ оскорбленъ на самомъ тронѣ Дожа,
 Не сдѣлался посмѣшищемъ людей,
 Подвластныхъ мнѣ, повиноваться мнѣ
 Обязанныхъ? я развѣ поношенью
 Не преданъ, какъ супругъ? не обезславленъ,
 Какъ чедовѣкъ! не презрѣнъ, не поруганъ,
 Какъ государь? и развѣ эта наглость
 Есть просто лишь обида, развѣ это
 Не заговоръ? И онъ еще въ живыхъ!
 Да еслибъ онъ не на престолѣ Дожа,
 А на скамьѣ престолюдина смѣлъ
 Напачкать эту пасквиль, и тогда
 Онъ кровью бы порогъ его обагриль...

Б. ФАЛЬЕРО.

Ручаюсь вамъ, онъ до заката солнца
 Не доживетъ; я этимъ озабочусь
 И успокою васъ.

Дождь.

Племянникъ, стой!

Вчера-бъ еще я этимъ былъ доволенъ;
 Ну, а теперь на этомъ чедовѣкѣ
 Мнѣ нечего искать.

Б. ФАЛЬЕРО.

Что это значить?

Да развѣ вы не сдѣлались сугубо
Обиженнымъ чрезъ это оправданье,
Гнуснѣй, чѣмъ оправданье, черезъ это
Наглѣйшее признаніе вины
И явную потачку къ ней?

Дождь.

Я точно

Обиженъ сталъ сугубо, но не имъ:
Его къ тюрьмѣ приговорили Сорокъ;
Мы быть должны послушны къ Сорока.

Б. ФАЛЬЕРО.

Послушны! къ нимъ! когда они забыли
Ихъ долгъ къ ихъ государю?

Дождь.

Какъ такъ? ты

Сознался таки въ этомъ наконецъ;
Ты правъ; дитя; въ моихъ правахъ обиженъ
Я всячески: и такъ, какъ гражданинъ,
Пришедшій въ судъ, и такъ какъ государь,
Творящій судъ, (хоть здѣсь и государь
Такой же гражданинъ); но и затѣмъ
Ты все-таки не тронъ и волоска
На головѣ у Стено; онъ ее
И безъ того носить не долго будетъ.

Б. ФАЛЬЕРО.

Не долѣе двѣнадцати часовъ,
Лишь дайте позволенье; вы меня
Не поняли: я никогда не думалъ
Щадить его, мерзавца; я хотѣлъ
Унять лишь въ васъ порывы этой страсти,
Чтобъ мы вѣрнѣй могли сообразить,
Какъ намъ его спровадить.

Дождь.

Нѣтъ, племянникъ,

Онъ долженъ жить: что значить эта жизнь
Презрѣнная—въ подобный часъ? ничто.
У древнихъ былъ обычай—исправлять
Однимъ тельцемъ простые лишь обряды;

Въ великихъ всесожженьяхъ — гекатомба
Была необходима.

Б. ФАЛЬБЕРО.

Ваша воля
Есть мой законъ; но какъ бы я охотно
Вамъ доказалъ, какъ дорожу я честью
Семейною.

Дождь.

Не бойся; доказать
Ты это мнѣ успѣешь; но не слишкомъ
Запальчивъ будь, какъ я вотъ былъ; я самъ
Стыжусь теперь за гнѣвъ свой и прошу —
Ты извини меня.

Б. ФАЛЬБЕРО.

Какъ въ этомъ видѣнъ —
Вновь дядя мой! воитель, мужъ совѣта,
Свободнаго народа государь
И господинъ въ тожъ время надъ собою!
Я такъ былъ изумленъ, что въ эти лѣта
Вы такъ могли забыться, хоть причина —

Дождь.

Да, думай о причинѣ; берегись
Забыть ее: глаза-ль сомкнешь ты ночью,
Пусть черная—она и въ самомъ снѣ
Тебя не покидаетъ; по утра-ль
Проснешься ты, пусть межъ тобой и солнцемъ
Она стоитъ, какъ вѣщая гроза
Надъ праздникомъ весеннимъ; но ты будь
И нѣмъ, и недвижимъ; все предоставь
Мнѣ одному; намъ будетъ много дѣла
И ты свою имѣть въ немъ будешь часть.
Теперь ступай; я долженъ здѣсь на время
Побыть одинъ.

Б. ФАЛЬБЕРО (*подымаетъ и кладетъ на
столъ дожескую шапку*).

Надѣньте эту шапку,

Я васъ прошу, пока не наступилъ
Удобный часъ—смѣнить ее—короной.
Теперь я васъ оставлю, умоляя
Васъ, государь, рассчитывать, что я

На все, на все готовъ для васъ, какъ близкій
Вашъ родственникъ, какъ подданный,—съ тѣмъ вмѣстѣ
И честный гражданинъ.

Дождь (одинъ).

Прощай, достойный

Племянникъ мой.

(Беретъ дождевую шапку).

Ничтожная игрушка!

Ты, терниемъ повитая—точь-въ-точь,

Какъ царская корона,—и однако

Безсильная величьемъ царя

Облечь чело, покрытое позоромъ!

Ты, жалкая, съ багряной позолотой,

Униженная шапка, дай тебя

Надѣну я... какъ надѣваютъ маску.

(Надѣваетъ ее).

Какъ подъ тобой пылаетъ мозгъ, какъ бьются

Мои виски подъ тяжестью твоей

Безславною!—Ужель тебя короной

Я сдѣлать не могу? Ужель сломать,

На перекоръ сторукому сенату,

Я не могу сторукоятный скипетръ,

Которымъ дождь въ параднаго шута,

Народъ—въ ничто обращены?—Я въ жизни

Не менѣ тяжелыя дѣла

Предпринималъ,—предпринималъ за этихъ...

Которые мнѣ вотъ какъ заплатили!—

Ужель я не могу имъ отплатить?

О, еслибъ годъ! о, еслибъ день одинъ

Мнѣ юности! той юности, когда

Вотъ этотъ трупъ такъ былъ покорень дуку,

Какъ чуткій конь покорень сѣдоку!

Тогда-бъ я не задумался на этихъ

Патрициевъ надутыхъ грянуть... мало,—

Друзей бы я на помощь пригласилъ.

Ну—а теперь, теперь обязанъ я

Высматривать другихъ рукъ, чтобъ помочь

Вотъ этой головѣ сѣдой... А впрочемъ

ней зрѣетъ планъ, который не доставить

Работы геркулесовской рукамъ,

Хотя теперь онъ только лишь хаосъ
Неясныхъ думъ, роящихся во мракѣ.
Мое воображеніе въ трудахъ
Зачатія; но образы туманныхъ
Видѣній выбиваются на свѣтъ.
Спокойный умъ готовъ принять рѣшеніе.

Е. Заринъ.